

ОДИССЕЙ

2008

Script/Oralia: взаимодействие
устной и письменной традиций

Ночь как объект
исторической науки

Историческая наука
и «порядочные люди»

Карьерные стратегии
монархии Габсбургов

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ,
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А. ЛЕВИНСОН,
С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.Н. ДЖАКСОН,
доктор исторических наук В.Я. ПЕТРУХИН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. :
Наука, 1989 – .

2008 : Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в
Средние века и раннее Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2008. –
483 с. – ISBN 978-5-02-036740-1.

Юбилейный двадцатый выпуск альманаха “Одиссей” открывается разделом, посвященным анализу трансформаций, которые происходят с устной традицией в ситуации конфликта и взаимодействия с традицией письменной, в частности в условиях билингвизма при переводе с одного языка на другой и в эпоху книгопечатания, когда печатное слово начинает проникать в сферу устного и наоборот. Другие разделы сборника посвящены сравнительным исследованиям, истории представлений о времени, социальной истории, проблемам анализа словесных и визуальных образов в культуре. Публикация номера – текст гомилии блаженного Августина на один из стихов 120-го псалма. Традиционно значительное место уделено рецензиям и обзорам новой литературы.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей.

Темплан 2009-I-238

ISBN 978-5-02-036740-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2008
- © Лучицкая С.И., составление, 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания), 2008
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
------------------	---

SCRIPT/ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>С.И. Лучицкая</i> ВВЕДЕНИЕ	7
<i>А.Л. Топорков</i> МАГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В УСТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРАДИЦИ- ЦИЯХ РОССИИ XVII–XVIII ВВ.	13
<i>С.И. Лучицкая</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В ХРОНИКАХ И CHANSONS DE GESTE ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.	29
<i>О.И. Тогоева</i> “УПОВАЮ НА НЕГО И НЕ БОЮСЬ...” (ИС. 12: 2). ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЖАННЫ Д’АРК НА ПРОЦЕССЕ 1431 г.	62
<i>София Менаше</i> УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХРОНИКАХ: ТЕКСТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ (перевод с английского С.И. Лучицкой)	81
<i>Мари-Кристин Вароль</i> ТРАДИЦИЯ ТЕКСТОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ В СОВРЕМЕН- НЫХ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (перевод с француз- ского С.И. Лучицкой)	105
<i>А.А. Котомина</i> “ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ПРЯХ”: ОПЫТ ЗАПИСИ ПОВЕРИЙ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ	138
<i>М.И. Василенко</i> ТРАДИЦИОННАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНО- ШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ	155
<i>Г.А. Попова</i> КТО ГОВОРИЛ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В ХРИСТИАНСКОМ ТОЛЕ- ДО? (СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ТОЛЕДО XII–XIII ВВ.)	165

<i>С.И. Лучицкая</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
НИВЕРНО-ROSSICA: “ЗНАНИЕ В ОБЛАКАХ” В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ...	182
<i>П.В. Лукин</i>	
ДРЕВНЕРУССКИЙ “ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ” В СВЕТЕ ГЕРМАНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ	196

ВРЕМЯ САКРАЛЬНОЕ – ВРЕМЯ МИРСКОЕ

<i>Ален Кабантус</i>	
НОЧЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА XVII–XVIII вв.) (<i>перевод с французского И.К. Стаф</i>)	211

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>О.В. Хаванова</i>	
КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ	230

СЛОВО И ОБРАЗ В КУЛЬТУРЕ

<i>О.Ф. Кудрявцев</i>	
“ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ”: АСТРАЛЬНАЯ МАГИЯ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО	251
<i>И.Г. Галкова</i>	
“АКВИТАНСКИЙ ВСАДНИК” И АКВИТАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЗАКАЗЕ ЦЕРКВЕЙ В XII в.	275

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

<i>С.Л. Козлов</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И “ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ”: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К “АПОЛОГИИ ИСТОРИИ”	302

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

<i>Питер Бёрк</i>	
“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (<i>перевод с английского К.А. Левинсона</i>)	337

Е.Е. Савицкий

“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В ИСТОРИОГРАФИИ – ДРУГИЕ ВЕРСИИ (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ПИТЕРА БЁРКА)	355
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Степанцов

“УЖЕ ОСВЕЩЕНЫ ГОРЫ”: ПС 120: 1 У АВГУСТИНА И ЕГО ПРЕД- ШЕСТВЕННИКОВ	367
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

К.А. Левинсон

ТАКАЯ РАЗНАЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Nitхаммер Л.</i> Фрагменты немецкой памяти. М. (в печати). Книга погро- мов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. док-тов / Отв. ред. Л.Б. Милякова и др. М., 2007	382
---	-----

С.И. Лучицкая

ВОСПРИЯТИЕ НОЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

<i>L’imaginaire de la nuit au Moyen âge / Études réunies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.</i> 2002. Т. 106, N 2	409
--	-----

О.Е. Кошелева

ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ И СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

<i>Kivelson V.</i> Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth- Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006	417
---	-----

А.В. Толстиков

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД ПОСЛЕ “ОХОТЫ НА ВЕДЬМ”

<i>Lennerstrand M., Oja L.</i> Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häx- processerna 1668–1671. [Hedemora], 2006	430
--	-----

ХРОНИКА

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (К 20-ЛЕТИЮ “ОДИССЕЯ”)	444
---	-----

М.Ю. Парамонова

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Я. ГУРЕВИЧА	457
-----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЕЖЕГОДНИКЕ “ОДИССЕЙ” ЗА 1999–2008 ГОДЫ	461
--	-----

SUMMARIES	471
-----------------	-----

IN MEMORIAM

Юрий Павлович МАЛИНИН (1946–2007)	476
---	-----

CONTENTS

To the reader	5
---------------------	---

SCRIPT/ORALIA: THE WRITTEN AND THE ORAL IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

S.I. Luchitskaya

INTRODUCTION	7
--------------------	---

A.L. Toporkov

MAGIC TEXTS IN THE 17 TH - AND 18 TH -CENTURY RUSSIAN ORAL AND HANDWRITTEN TRADITION	13
---	----

S.I. Luchitskaya

THE INTERPLAY OF THE ORAL AND THE WRITTEN IN CHRONICLES AND CHANSONS DE GESTE OF THE FIRST CRUSADE	29
---	----

O.I. Togoeva

'FIDUCIALITER AGAM ET NON TIMEBO' (ISAIAH 12: 2). JOAN OF ARC'S DIRECT SPEECH AT THE 1431 TRIAL	62
--	----

S. Menache

ORALITY IN CHRONICLES: TEXTS AND HISTORICAL CONTEXTS	81
--	----

M.-Chr. Varol

TEXTUAL TRADITION OF ALEXANDER THE GREAT IN MODERN JUDEO-SPANISH PROVERBS	105
--	-----

A.A. Kotomina

THE GOSPELLES OF DYSTAUES: ASSIMILATING NEW KNOW-HOW AND WRITING DOWN POPULAR BELIEFS	138
--	-----

M.I. Vasilenko

THE ORAL AND THE WRITTEN IN TRADITIONAL ARABIC POETRY	155
---	-----

G.A. Popova

WHO SPOKE ARABIC IN CHRISTIAN TOLEDO? (THE USE OF ARABIC IN 12 TH - AND 13 TH -CENTURY TOLEDO)	165
---	-----

S.I. Luchitskaya

CONCLUSION	178
------------------	-----

COMPARATIVE HISTORY

G.V. Bondarenko

HIBERNO-ROSSICA: 'KNOWLEDGE IN THE CLOUDS' IN OLD IRISH AND OLD RUSSIAN MYTHOPOEIC TRADITIONS	182
--	-----

P.V. Lukin

THE OLD RUSSIAN <i>POTOK I RAZGRABLENIE</i> AND ITS GERMANIC PARALLELS	196
--	-----

TIME SECULAR AND SACRED

A. Kabantus

NIGHT AS SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH (WESTERN EUROPE, 17 TH –18 TH CENTURIES)	211
--	-----

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CAREER STRATEGIES IN THE 18 TH -CENTURY HABSBERG MONARCHY IN THE MIRROR OF PETITIONS TO THE MONARCH	230
--	-----

WORD AND IMAGE IN CULTURE

O.F. Kudryavtsev

‘IMPRINTED BY SATURN’: MARSILIO FICINO’S ASTRAL MAGIC	251
---	-----

I.G. Galkova

THE ‘AQUITAINIAN HORSEMAN’ AND AQUITAINIAN NOBLES: TOWARDS THE QUESTION OF LAY PATRONAGE OF THE 12 TH -CENTURY CHURCH BUILDING	275
---	-----

HISTORIAN AND TIME

S.L. Kozlov

THE HISTORICAL RESEARCH AND THE <i>HONNÊTES GENS</i> : TOWARDS AN EXPLICATIVE COMMENTARY TO MARC BLOCH’S <i>APOLOGIE POUR L’HISTOIRE</i>	302
--	-----

DISCUSSIONS ON HISTORIOGRAPHY

P. Burke

THE PERFORMATIVE TURN IN RECENT CULTURAL HISTORY	337
--	-----

Ye.Ye. Savitsky

‘THE PERFORMATIVE TURN’ IN HISTORIOGRAPHY: OTHER VERSIONS (A COMMENTARY ON PETER BURKE’S ARTICLE)	355
---	-----

PUBLICATIONS

S.A. Stepantsov

- 'IAM ILLUMINATI SUNT MONTES': PSALM 120: 1 IN AUGUSTIN'S AND HIS PREDECESSORS' WRITINGS 367

BOOK REVIEWS

K.A. Levinson

ORAL HISTORY THE MANIFOLD

- Niethammer L.* Fragmenty nemetskoy pamyati. Moskva (forthcoming); Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Byelorussii i v evropeyskoy chasti Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny 1918–1920 gg. Sbornik dokumentov / Otv. red. L.B. Milyakova i dr. Moskva, 2007 382

S.I. Luchitskaya

THE PERCEPTION OF NIGHT IN THE MIDDLE AGES

- L'imaginaire de la nuit au Moyen âge / Etudes recueillies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.* 2002. T. 106. N 2 409

O.Ye. Kosheleva

OXEN MEADOWS AND THE VAST TRACTS OF SIBERIA

- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006 417

A.V. Tolstikov

LIVING ON IN A RURAL PARISH AFTER THE WITCH HUNT

- Lennerstrand M., Oja L.* Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häxprocesserna 1668–1671. [Hedemora], 2006 430

CHRONICLE

A.V. Sveshnikov, B.Ye. Stepanov

- TWENTY YEARS AFTER (THE 20TH ANNIVERSARY OF *ODYSSEUS*) 444

M.Yu. Paramonova

- AARON GUREVICH MEMORIAL READINGS 457

- INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN *ODYSSEUS* IN 1999–2008 461

- SUMMARIES 471

IN MEMORIAM

- Yuriy Pavlovich MALININ (1946–2007) 476

Г.А. Попова

КТО ГОВОРИЛ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В ХРИСТИАНСКОМ ТОЛЕДО?

(сферы использования арабского языка в Толедо
XII–XIII вв.)

Общеизвестно, что в Толедо в период после отвоевания города королем Кастилии и Леона Альфонсо VI в 1085 г. оставалось много носителей арабского языка: мусульмане, не пожелавшие покинуть свои владения, мосарабы¹, ставшие подданными короля-единоверца, иудеи, традиционно составлявшие немалую часть местных жителей². Доля этого населения по отношению к тем, кто переселялся сюда из других земель и не владел арабским, неизвестна. Но в первые годы после отвоевания знающих арабский здесь было, видимо, большинство, причем, скорее всего, это был не единственный язык, которым они владели. Эта особенность состава населения Толедо обычно представляется убедительным объяснением того факта, что именно этот город стал центром активной работы по переводу с арабского языка разнообразных сочинений, где сложилась особая интеллектуальная традиция и даже, как предполагается, целая “школа переводчиков”. Однако при более пристальном взгляде становится очевидно, что это скорее гипотеза и доказать ее гораздо сложнее, чем может показаться.

Картина языковой ситуации в Аль-Андалусе и, следовательно, на тех территориях, которые отвоевывали христианские короли, включая и толедскую тайфу, выглядит очень по-разному в представлении разных специалистов. И. Феррандо, филолог-арабист, посвятивший специальное исследование средневековому арабскому языку центральных районов Пиренейского полуострова³, выделяет четыре группы мнений. Сторонники первой полагают, что арабский быстро и повсеместно вытеснил латынь и романсе как из сферы повседневного употребления, так и, чуть медленнее, из сферы ученой культуры. Их оппоненты считают, что, напротив, использование арабского было очень ограничено, а господствовал язык местного населения, воспринятый завоевателями-мусульманами. Третья концепция предполагает сосуществование этих языков раздельно, т.е. без широкого распространения билингвизма, а четвертая исходит из наличия последнего, причем повсеместно и во всех социальных и конфессиональных группах⁴. Вслед за И. Феррандо я ограничусь лишь перечислением этих концепций, оставив в стороне более детальный историографический очерк. Тем более, что они часто представляют собой декларацию общего подхода к культурной и языковой ситуации в Аль-Андалусе, подкрепленную хотя и яркими, но единичными

примерами из источников, из которых уже давно сложился традиционный набор, кочующий из статьи в статью, из монографии в монографию. Собственно, отрывочность сведений, а также их географическая и хронологическая разрозненность и позволяют сторонникам каждого из четырех приведенных мнений находить аргументы в свою пользу. В этой ситуации более убедительно выглядит подход, при котором четко определено место, время и ситуация возникновения источника, содержащего информацию об использовании того или иного языка в Аль-Андалусе и пограничных территориях. Тогда сразу становятся заметны различия в языковой ситуации, складывавшейся в разных районах, в разные периоды, в разной социальной среде⁵.

Толедо – одно из редких мест, где сохранилось немало свидетельств использования арабского языка в различных сферах. Но парадокс состоит в том, что благодаря этим источникам мы можем больше узнать о статусе арабского в XII–XIII вв. – в период после отвоевания города христианами. Языковую ситуацию в Аль-Андалусе они отражают лишь отчасти и ретроспективно. Можно заключить, что арабский язык в северных мусульманских землях был распространен довольно широко во всех социальных и конфессиональных группах, по крайней мере, городского населения, и, возможно, не менее распространенным явлением был билингвизм.

Такое предположение позволяют сделать данные источников, которые относятся к периоду после крушения мусульманской власти в Толедской тайфе. В 1156 г. в одной из древнейших городских церквей – Св. Юсты и Руфины – появилась двуязычная эпитафия над местом упокоения некоего Мигеля Семено. Первой была высечена латинская запись, за ней следовала арабская, идентичная по содержанию. В том же XII столетии множество жителей Толедо и округи имели обыкновение записывать свои сделки, долговые обязательства, завещания по-арабски. Некоторые ставили арабские подписи под документами на латыни и романсе. Эти документы хранились до начала XX в. в архивах собора Санта-Марии, монастыря Сан-Клементе, некоторых других монастырей и приходских церквей⁶. Арабоязычные грамоты вместе с документами на других языках – латыни и романсе, служили подтверждением законности приобретения тех или иных владений. Наконец, на арабском языке могли фиксировать и королевскую волю – до XIII в. фуэро замка Асека⁷, дарованное Альфонсо VI в 1102 г., существовало в арабоязычной записи, которая позже была переведена на романсе⁸.

Сохранился также ряд текстов, относящихся к сфере ученой традиции, которые позволяют предполагать связь их авторов с арабоязычной средой, возможно, более в письменном ее воплощении, нежели в устном. Толедо считают местом возникновения нескольких

полемических трактатов, направленных на изобличение противоречий в исламе⁹. Здесь же появились маргиналии на рукописи перевода Корана Роберта из Кеттона¹⁰, содержащие комментарий как с уточнениями перевода, так и с высказываниями относительно учения Мухаммада. Предположительно, авторами этих трактатов и комментария были толедские мосарабы – те из них, кто был знаком с учением ислама, а также с сочинениями мусульманских теологов. Изучение этих текстов показывает, что в Толедо XII в. происходит оживление полемики с исламом и формируется интеллектуальная традиция, влияние которой можно проследить в возникшей позже антииудейской полемической литературе¹¹. Кроме того, тогда же и, видимо, примерно в том же кругу людей возрастает интерес к латинской богословской традиции. Как полагает П. Ван Конингсвелд, именно для облегчения понимания латинских текстов был создан в XII в. латинско-арабский словарь¹². Об этом говорят и многочисленные арабоязычные маргиналии в латинских трактатах по богословию и каноническому праву. Т. Берман, анализирувавший упомянутые полемические трактаты, пишет, что построение фраз, а также логика аргументации свидетельствуют о своего рода “лингвистической исламизации” и “исламской модели мышления” их авторов, что стало следствием владения арабским языком, в первую очередь, литературным¹³.

Появление в Толедо знаменитой “школы переводчиков” можно рассматривать как логичное развитие местной интеллектуальной традиции. Использование этого понятия, возникшего в XIX в., некоторое время назад подверглось критике¹⁴, поскольку оно дает представление о существовании некоего института, деятельность которого организовывалась сознательно. Сейчас обычно речь идет о переводах с арабского на латынь или романсе, выполнявшихся по инициативе ученых, прибывавших в Толедо из разных частей Европы, и при участии местных знатоков арабского языка. Работа над переводом обычно осуществлялась в паре: ученый, выбравший текст, и его помощник, владевший двумя языками. Ученые, имена которых нам часто известны как имена переводчиков, в процессе такой работы изучали арабский язык. Имена же их помощников, которые были фактически соавторами, оставались, как правило, в неизвестности. Исключение составляет пара Доминго Гундисальво и обращенный иудей Хуан Испанский, трудившиеся над переводами Аристотеля, Авиценны, Ибн Габироля.

Несколько иной была история Марка из Толедо, которому принадлежат переводы Корана и Ибн Тумарта. Его отец переселился в Толедо из Кастилии в первые годы после отвоевания города, и Марк, скорее всего, родился уже в Толедо, где так хорошо овладел арабским, что стал одним из самых знаменитых переводчиков с этого языка, не нуждавшимся в помощниках¹⁵.

Хотя организованная структура, которую можно было бы назвать школой, видимо, не существовала, поддержка переводческой деятельности архиепископом Толедо Раймундо (1124–1152) все же сыграла значительную роль. Он, конечно, не руководил переводами, но предоставлял возможность работать над ними в городе, где были и рукописи, содержащие неведомые пока западноевропейским ученым сочинения Античности в изложении на арабском, и люди, которые могли их прочесть. Переводческая деятельность продолжалась в Толедо и после смерти Раймундо – вплоть до второй половины XIII в., при поддержке уже не только церкви, но и леоно-кастильских королей Фернандо III Святого и, главным образом, Альфонсо X Мудрого.

Необычная социокультурная, конфессиональная и лингвистическая среда, складывавшаяся в Толедо с конца XI в., была, по всей видимости, уникальна. Толедо был отвоеван в момент, когда там, как и во многих мусульманских городах, существовали достаточно многочисленные мосарабские общины. Полвека спустя началась массовая эмиграция христиан из Аль-Андалуса, где к власти пришли альмохады, придерживавшиеся очень жесткой политики в отношении иноверцев. Значительная часть переселенцев осела в Толедо¹⁶. До этого момента также известны случаи переселения более или менее массовых групп мосарабов в христианские королевства (1102, 1126 гг.)¹⁷, но для Толедского королевства наиболее значительные изменения связаны с переселением середины века.

Интересным свидетельством о процессе переселения мосарабов является грамота Альфонсо VII 1154 г. о пожаловании небольшого поселения Пастор Вальдекарабанос архиепископу Мигелю, пришедшему из Малаги с группой своих земляков¹⁸. Этим людям король разрешает поселиться в упомянутом местечке, владеть прилегающими к нему землями и передавать их по наследству. Есть сведения о том, что в Толедо в XII в. жили епископы Эсихи, Медины, Сидонии, Ньеблы.

На тех территориях, которые перешли под власть христиан уже после середины XII в., население было более однородным в конфессиональном отношении – большинство мусульман и некоторое число иудеев, также сократившееся с приходом к власти североафриканских династий.

Итак, мы располагаем множеством свидетельств того, что в Толедо были люди, принадлежавшие к различным конфессиям, которые могли читать и писать на арабском языке, а также понимали латынь и романс. То есть мы знаем о существовании билингвизма на письме. Однако возникает вопрос, в какой мере это можно расценивать как свидетельство существования билингвизма и в устной речи? Этот вопрос – часть более общей проблемы связи устной и письмен-

ного в средневековом социуме. По современным представлениям, в средневековых системах коммуникации сфера устного безусловно преобладала над сферой письменного. Но исследователь-медиевист, по очевидным причинам, обладает возможностью изучать только записанное слово, а устное может анализироваться лишь по косвенным данным и реконструируется с большой долей гипотез и допущений. Специфика получаемой информации определяется также и жанром анализируемого текста. В зависимости от его назначения он может быть связан с разными уровнями устной речи, а кроме того само наличие такой связи не всегда очевидно.

Источник, на основании которого я попытаюсь сделать некоторые наблюдения о сферах использования арабского в Толедо, известен довольно давно, и в первую очередь благодаря необычности языка. Речь идет о частных актах христиан, составленных на арабском языке и сохранившихся в архивах городского собора, монастыря Сан-Клементе, некоторых церквей¹⁹. В 1926–1930 гг. известный испанский арабист А. Гонсалес Паленсия опубликовал 1175 таких документов²⁰. Хронологически они охватывают период с 1083 по 1315 г.

Прежде чем обратиться непосредственно к грамотам, хотелось бы сделать одну важную оговорку. Документы, опубликованные А. Гонсалесом Паленсия, обычно именуются мосарабскими и используются для изучения именно мосарабской общины Толедо²¹. Принято считать, что для мосарабов было вполне естественно использовать арабский язык при составлении записей о сделках, поскольку они не одно столетие жили бок о бок с мусульманами, привыкли к оформлению документов на этом языке и сохраняли такую традицию и под властью единоверцев. Однако на самом деле ситуация несколько сложнее. На арабском языке могли составляться акты, участников которых нельзя отнести к мосарабам – например, запись решения по тяжбе между капитулом собора Санта-Марии и монастырем Сан-Клементе²². И подобных примеров, где ничто, кроме языка грамоты, не свидетельствует о принадлежности людей, участвовавших в сделке, к мосарабам, довольно много. Поэтому можно предположить, что в этот период в Толедо в делопроизводстве была более распространена местная нотариальная традиция и, возможно, жителям города и округи было проще найти писца, способного грамотно оформить документ на арабском, чем на каком-либо другом языке.

Ф. Эрнандес, обратив внимание на факт использования арабского в делопроизводстве практически всеми группами толедцев (в том числе и иудеями²³. – Г.П.), делает более общий вывод, который мне кажется очень важным: владение арабским языком не было важным фактором социальной идентификации в землях, принадлежавших

прежде мусульманам. Иными словами, в Толедо некоторое время арабский был не столько языком иноверцев, сколько языком власти и ученых-интеллектуалов²⁴. Но был ли он языком улиц, говорили ли на нем?

Начать исследование грамот следует с определения их структуры. Поняв правила организации текста, можно будет увидеть, в каких своих частях он мог отразить устную стадию сделки, оставались ли вообще следы этой стадии. Текст большинства исследуемых документов строится по общей схеме, мало зависящей от содержания сделки: 1) преамбула; 2) имена участников сделки; 3) суть сделки; 4) описание имущества, являющегося предметом сделки; 5) формула передачи владельческих прав и/или формула осведомленности о содержании и законности сделки; 6) сумма сделки; 7) формула свидетельства; 8) дата; 9) свидетельские подписи. Принципиально отличаются от этой схемы только записи завещаний и протоколов судебных заседаний.

Если говорить о преамбуле, то фактически она сводится к обязательной фразе: “Во имя Господа, милостивого и милосердного”²⁵, за которой следует слово или фраза, выражающая суть записи: “Свидетельствую”, “Дарю”, “Покупаю”, “Разрываю отношения (рабской зависимости. – Г.П.)”, “Меняю”, “Имеет законную силу соглашение” и т.д. Самая нестрогая форма преамбулы – “Свидетельствую (свидетельствуем)”, за которой может последовать запись сделки любого типа. Изложение сути ведется от первого лица.

Во всех грамотах встречается формула свидетельства, гласящая, что свидетели по просьбе обеих сторон, с которыми они знакомы и знают, что те имеют полное право заключать договор, подтверждают, что все произошло так, как сказано.

Для того чтобы понять, в какой степени слова формуляра, которые можно счесть и указанием на устную речь (“Свидетельствую”, упоминание ознакомления свидетелей с содержанием), фиксируют устный этап сделки, надо иметь в виду следующее. Сохранилось немало руководств для мусульманских писцов, нередко представляющих собой объемистые трактаты, где подробно излагается порядок оформления документов разных типов и приводятся тексты формул с их правовым обоснованием²⁶. Один из таких трактатов – “Нотариальные и судебные акты, оформляемые по наиболее распространенным делам” (Al muqni’ fi ‘ilm al-surut) – был написан в XI в. жителем Толедо Ахмедом бен Мухаммедом бен Мугитом²⁷. Сравнение формуляра толедских грамот с образцами, приведенными в этом руководстве, показывает их буквальное совпадение. Таким образом, толедские писцы, знавшие арабозычный формуляр, если не пользовались книгой бен Мугита непосредственно, то хранили и передавали из поколения в поколение – от учителя к ученику – традицию, зафи-

ксированную в ней. И, следовательно, формуляр не дает нам непосредственных свидетельств об устном варианте языка. Он полностью принадлежит сфере письма.

И. Феррандо, исследовав синтаксис и морфологию языка толедских грамот, сделал вывод, что в нем очень мало следов диалекта. Он почти не меняется за двести лет и соответствует нормам классического арабского языка, за очень редкими исключениями²⁸. Следовательно, мы видим язык, который учили, чтобы на нем писать, но не говорить.

Тем не менее если в документах мы обнаруживаем арабский язык в его литературной форме, предназначенной для письма, это еще не означает отсутствия его устного варианта. Следы его существования могли зафиксироваться в лексике, необычной для юридических документов: к примеру, обозначающей предметы домашнего обихода – одежду, посуду и т.п. Здесь мы находим немало заимствований из романсе, записанных на альхамии. Наибольшее количество слов из этой группы встречается в двух видах документов – завещаниях и брачных контрактах²⁹. Интересно, что в самом раннем из такого рода документов³⁰ слова, обозначающие одежду, обувь, разнообразные покрывала, записаны на альхамии, за исключением упоминания о маленьком серебряном кубке. В остальных документах – приблизительно одинаковое количество названий на арабском и на альхамии. Это соотношение можно рассматривать как аргумент в пользу сохранения ситуации билингвизма и использования арабского в повседневной жизни. А можно и, напротив, подчеркивать проникновение в формализованную лексику юридического документа слов из другого языка, что свидетельствует об узости сферы применения арабского.

Пожалуй, наиболее интересную информацию можно встретить в тех документах, где появляются особые оговорки, описывающие устную часть процедуры. В 1217 г. дон Мартин Бальнамот, сын адалида дона Бальнамота, и его зять заключают соглашение³¹, записанное по-арабски, с аббатисой монастыря Сан-Клементе об аренде плотины, принадлежавшей монастырю. К соглашению прилагается свидетельство доньи Коломбы, дочери адалида, о том, что она одобряет сделку, заключенную ее мужем и братом. В этом свидетельстве мы находим запись, которая гласит, что документ был прочитан для нее “буква за буквой” на арабском и на романсе и ей было растолковано его содержание. Очевидно, что процедура заключения сделки требовала прочтения документа вслух, но, похоже, тогда это была не только формальность: ведь далеко не все участники имели необходимые навыки, чтобы прочесть документ самостоятельно. Поэтому не исключено, что рассматриваемый нами документ был прочитан донье Коломбе на двух языках для того, чтобы ей были ясны все де-

тали содержания – иными словами, она понимала оба языка, но один из них хуже.

Во время судебного разбирательства (1262 г.) по поводу взыскания долгов с наследников и поручителей Винса Петерса, сына альгвасила дона Педро Хуанеса, один из кредиторов, иудей Абу Ибрагим бен Аби Исхак бен Саймон, заручился королевской грамотой, по которой все долги этого человека следовало выплачивать по распискам в хронологическом порядке. Эта королевская грамота была переведена во время суда с романсе на арабский, что вряд ли бы имело смысл, будь этот язык совершенно чужд присутствующим³².

Начиная с 1169 г. перед датой многих документов можно прочесть записи следующего содержания: “(совершено) после объяснения им (участникам и свидетелям. – Г.Л.) содержания на языке, который, как они заявили, понимают”³³. В тексте записи возможны варианты, к примеру: “(совершено) после прочтения на романсе”³⁴. Иногда указывается, кому именно был прочитан документ на понятном языке – участникам сделки или свидетелям. Появившись впервые, как я уже упоминала, в 1169 г., записи такого рода становятся весьма частыми с начала XIII в. (вторая такая запись встречается через 24 года после первой – в 1193 г.³⁵).

Запись о прочтении документа на двух языках, упоминавшаяся выше, одновременно является единственным упоминанием об арабском в таком контексте. Если в записях подобного рода называется, какой именно язык был понятен участникам процедуры, то это исключительно романсе.

С 1169 по 1200 г. таких документов 9, с 1200 по 1250 г. – 78, а с 1250 по 1315 г. – 35. Эти данные не могут считаться строгой статистикой, так как выяснить, каково соотношение сохранившихся и утраченных документов за выбранные периоды, не представляется возможным. Можно сказать только, что в XIII в. писцы сделали наибольшее число комментариев относительно прочтения документов на языке, понятном для участников сделки и свидетелей. Интересно также, что во второй половине XIII в. записей о языке сделано меньше, чем в первой. Я бы предложила следующее объяснение этому явлению. К началу XIII в. среди людей, оформлявших акты на арабском, становилось все меньше тех, кто читал и понимал тексты на этом языке, за счет, с одной стороны, постепенного сужения сферы использования языка среди местных жителей, а с другой – из-за притока с севера населения, вовсе не владевшего им. А поскольку в делопроизводстве по-прежнему широко использовался арабский, нередко складывалась ситуация, когда документ записывался на одном языке, а читался вслух на другом, понятном участникам сделки. Такая ситуация долго не сохранялась. Два важных и взаимосвязанных фактора привели к тому, что с середины XIII в. к арабоязычной тра-

диции делопроизводства стали обращаться по преимуществу те, кто имел представление об арабском языке и мог понять содержание документа без перевода. Речь идет, во-первых, о начале активного использования романсе в делопроизводстве, что выразилось в резком увеличении количества грамот, записанных на этом языке³⁶. Во-вторых, именно в этот период, по мнению Х. Боно, на Пиренеях начинает развиваться нотариат – под влиянием доктрины общего права, складывавшейся в итальянских университетских центрах³⁷. В частности, этот процесс выразился в росте числа писцов-мирян, изменении формуляра и т.д.³⁸, что в итоге привело к изменению потребности в документах и увеличению их количества. Упомянутые тенденции Х. Боно считает общими для христианских королевств Пиренеев, и, видимо, не без оснований. На территории Толедо оба процесса – распространение романсе в делопроизводстве и развитие нотариата³⁹ – столкнулись или, вернее сказать, соприкоснулись с еще одной важной особенностью, а именно с хорошо развитой местной традицией делопроизводства, главной, но не единственной отличительной чертой которой был язык. Я полагаю, исчезновение этой традиции было в равной мере связано с постепенным вытеснением арабского из других сфер жизни и с упомянутыми процессами. Вероятно, именно к середине XIII в. у жителей Толедо, не знавших арабского, появилась полноценная возможность оформлять свои сделки на понятном им языке⁴⁰.

Из арабоязычных документов уходят признаки существования билингвизма – с середины XIII в. заметно уменьшается число свидетельских подписей на латыни или романсе и исчезают записи о свидетельстве на альхамии. До этого момента в свидетельских списках грамот встречаются как мусульманские и смешанные имена, записанные латинскими буквами⁴¹, так и христианские имена, записанные по-арабски. В большинстве случаев это собственноручные подписи. Затем ситуация меняется. Очень показателен следующий случай. В одном документе 1214 г. среди свидетельских подписей мы встречаем такую: “Mateus, testis”. Ниже следует запись по-арабски: “Имя, написанное на альхамии, принадлежит упомянутому дону Матеусу”⁴². Упомянут этот человек был в тексте документа как муж одной из участниц сделки, под именем Матеус бен дон Юлиан бен Бахлул⁴³. Запись-пояснение сделана писцом, оформлявшим сделку. Здесь мы видим, что человек, полное имя которого, кстати, позволяет предположить его мосарабское происхождение, предпочел подписаться на латыни, и для того, чтобы соотнести обе формы имени, требуется особое пояснение. Язык документа, видимо, постепенно утрачивает связь со средой устной речи – все меньше становится и тех, кто может прочитать написанное вслух, и тех, кто на слух может воспринять арабские слова.

Со второй половины XII в. появляется несколько постоянных свидетелей – их арабоязычные подписи мы встречаем в десятках документов. При этом наличие их подписи не зависит ни от вида сделки, ни от ее участников, ни от места расположения предмета сделки. Это дает основания предполагать, что такими свидетелями были должностные лица, в присутствии которых составлялись документы. Подтверждением этого предположения можно считать часто встречающуюся после имен свидетелей приписку: “свидетельствовал передо мной” (شهد عندي), которая обычно выполнена тем же почерком, что и сам документ. Иногда можно наблюдать, как повторяются подписи представителей нескольких поколений одного и того же семейства. Наконец, о некоторых из таких постоянных свидетелей из других документов известно, что они занимали должность алькальда.

Приведем несколько примеров. В период с 1170 по 1195 г. мы встречаем подписи Томе бен Яхья бен Пелайо в 14 документах; его внук Педро бен Хуан бен Томе бен Яхья бен Пелайо подписал 27 документов в период с 1211 по 1252 г.; встречаются нам и две подписи его брата – Пабло бен Хуана бен Томе бен Яхья бен Пелайо (1213–1217 гг.). По свидетельским подписям известны представители трех поколений семьи бен Вайд – Соломон бен Али бен Вайд (11 документов за 1156–1197 гг.), Хир бен Соломон бен Али бен Вайд (8 документов за 1186–1214 гг.), Соломон бен Эстебан бен Соломон бен Али бен Вайд (5 документов за 1214–1226 гг.). Первый из них был алькальдом-альгвасилом в 1194 г. Но чаще других встречаются подписи Фелиса бен Яхья бен Абдаллаха, занимавшего должность алькальда между 1249 и 1254 г., – в 58 документах с 1202 по 1243 г. Под всеми документами фигурируют его арабоязычные подписи, за исключением одного. В 1229 г. он подписал одну сделку по купле-продаже на латыни: “Feliz ben Yahya ben Abdallah”. Все подписи он ставил собственноручно.

В этой статье мне хотелось обратить особое внимание на существование целой группы людей, фактически принадлежавших к элите, управлявшей Толедо, которые, скорее всего, настолько часто соприкасались с арабским и романсе одновременно, что владели этими языками не хуже переводчиков ученых трактатов. И именно среди тех и других билингвизм, пусть и в форме письменной речи, сохранился дольше, чем в других социальных группах.

Итак, мы видим, что тексты, отличающиеся значительной формализацией, такие, например, как частноправовые акты, могут дать подчас уникальную информацию о сфере устного. Частноправовой акт фиксирует ряд обстоятельств повседневной практики и отражает ту стратегию воздействия на эти обстоятельства, которую выбирают составители. Эти функции определяют специфику языковых

средств, используемых при составлении документа. В языке грамот должны оптимальным образом сочетаться элементы формальные, мало изменяемые, что связано с механизмом признания юридической силы текста, и элементы “живого” языка, понятного хотя бы некоторым участникам процесса составления документа, а также тем, у кого в будущем может возникнуть необходимость ознакомиться с его содержанием. Изменение этого соотношения, как я попыталась показать, может рассматриваться с точки зрения изменения сфер использования языка в целом: в нашем случае – это полное исчезновение устной формы арабского языка в Толедо.

- ¹ Мосарабы – от араб. مستعرب – арабизированный. Так принято называть всех христиан Пиренейского полуострова, проживавших на территориях, подвластных мусульманам.
- ² *Izquierdo Benito R.* Los judíos de Toledo en el contexto de la ciudad // *Espacio, tiempo y forma. Serie III: Historia medieval.* 1993. N 6. P. 80–83.
- ³ *Ferrando I.* El dialecto andalusí de la Marca Media: Los documentos mozárabes toledanos de los siglos XII y XIII. Zaragoza, 1995.
- ⁴ *Ferrando I.* The Arabic language among the Mozarabs of Toledo during 12th and 13th centuries // *Arabic as a Minority Language.* N.Y.; B., 2000. P. 45.
- ⁵ *Wasserstein D.* The language situation in al-Andalus // *Studies in Muwashshah and Kharja* / Ed. A. Jones, R. Hitchcock. Oxford, 1991. P. 1–15.
- ⁶ В настоящее время их большая часть находится в Archivo Histórico Nacional. Опубликованы А. Гонсалесом Паленсией: *González Palencia A.* Los mozárabes de Toledo en los siglos XII–XIII. Madrid, 1928–1930. Vol. 1–4. Подробнее см. примеч. 20.
- ⁷ Замок расположен на берегу Тахо к северо-востоку от Толедо.
- ⁸ *Menéndez Pidal R.* Documentos lingüísticos de España. Madrid, 1966. I. Doc. 278.
- ⁹ “Письмо аль-Кути” (40-е годы XII в.; изд.: Al-Khazraji Ahmad ibn ‘Abd al-Shamad. Maqami’ al-sulban. Tunis, 1975), анонимный “Tathlith al-wahdaniyah” (XII в.), возможно, также “Liber denudationis” (изд.: *Burman Th.* Religious polemic and the intellectual history of the mozarabs, с. 1050–1200. N.Y., 1994. P. 216–385).
- ¹⁰ *D’Alverny M.-Th.* Deux traductions latines du Coran au Moyen Age // *Archives d’histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age.* 1947–1948. Vol. 22–23. P. 69–131.
- ¹¹ *Burman Th.* Op. cit. P. 208–209.
- ¹² *Koningsvel P. van.* The Latin-Arabic glossary of the Leiden University Library. A Contribution to the study of mozarabic manuscripts and literature. Leiden, 1976.
- ¹³ *Burman Th.* Op. cit. P. 194–196.
- ¹⁴ *D’Alverny M.-Th.* La connaissance de l’Islam en Occident du IXe au milieu du XIIe siècle // *L’occidente e l’Islam nell’alto medioevo.* Spoleto, 1965. Vol. 2. P. 577–602.
- ¹⁵ Подробнее историю Марка из Толедо см.: *D’Alverny M.-Th.* Marc de Tolède // *Estudios sobre Alfonso VI y la reconquista de Toledo.* Toledo, 1985. Vol. 3. P. 25–59.
- ¹⁶ *González González J.* Repoblación de Castilla la Nueva: 2 vols. Madrid, 1975. Vol. 1. P. 70–73.
- ¹⁷ *Peñarroja Torrejon L.* Cristianos bajo el Islam. Los mozárabes hasta la reconquista de Valencia. Madrid, 1993. P. 217–231.

- ¹⁸ См.: *Cepeda Adan J.* Repoblación en la zona del Tajo // *Estudios y Documentos. Cuadernos de Historia Medieval.* Valladolid, 1955. P. 10–25. Текст документа – p. 24–25.
- ¹⁹ Первым выделил эти документы в отдельную группу А.М. Буррьель, трудившийся в 30-х годах XVIII в. над описанием и каталогизацией архива собора. Некоторые результаты своих изысканий он опубликовал: *Burriel A.M.* Informe de la Imperial Ciudad de Toledo al Real y Supremo Consejo de Castilla sobre igualación pesos y medidas en todos los Reynos y Señoríos de Su Mag., según las leyes. Madrid, 1758. Здесь впервые было высказано суждение о мосарабском происхождении арабозычных документов, поддержанное и развитое почти столетием позже Ф.Х. Симонетом в его обширной “Истории мосарабов Испании” (*Simonet F.J.* Historia de los mozárabes de España: 4 vols. Madrid, 1897–1903).
- ²⁰ *González Palencia A.* Los mozárabes de Toledo en los siglos XII–XIII. Madrid, 1926–1930. Vol. 1–4. Первые три тома, опубликованные соответственно в 1926, 1928 и 1929 г., содержат публикацию текстов грамот с изложением их содержания на испанском, в четвертом томе – “Volumen preliminar”, опубликованном в 1930 г., – представлены некоторые наблюдения А. Гонсалеса Паленсии, которые, по его собственному признанию, носят предварительный характер и далеко не исчерпывают всех проблем, которые могут быть исследованы на материале этих документов. Далее ссылки на это издание: GP, номер тома, номер документа.
- ²¹ *Pastor de Togneri R.* Problemes d’assimilation d’une minorité: les mozarabes de Tolède de 1085 a la fin du XIII siècle // *Annales.* 1970. Vol. 25; *Eadem.* Del Islam al Cristianismo. En las fronteras de dos formaciones económico-sociales: Toledo. Siglos XI–XIII. Barcelona, 1985.
- ²² GP, III, 1127 (a. 1201)
- ²³ GP, III, 1132–1151.
- ²⁴ *Hernández F.J.* Language and cultural identity: mozarabes of Toledo // *Miscellanea D. Maffei dicata. Historia. Jus. Studium.* 1995. Vol. 1. P. 72–73.
- ²⁵ Иногда к ней прибавляются другие фразы: “Ему единственному слава”, “На него возлагаю мою надежду”, “В единого Бога верую” и т.п. См.: *González Palencia A.* Volumen preliminar. GP, IV, 43. P. 43.
- ²⁶ См. подробнее: *López Ortiz J.* Algunos capítulos del formulario notarial de Abensalmún de Granada. P. 319–375.
- ²⁷ *Mugit al-Tulaytuli.* المقنع في علم الشروط. Madrid, 1994.
- ²⁸ *Ferrando I.* Op. cit. P. 12, 41, 58, 68 etc.
- ²⁹ GP, III, 962 (a. 1276), 964 (a. 1289), 1010 (a. 1185), 1014 (a. 1161), 1018 (a. 1180), 1020 (a. 1192), 1025 (a. 1212), 1030 (a. 1266), 1034 (a. 1281); IV 1175 (a. 1285). Первые два документа из перечисленных представляют собой записи судебных решений, в которых интересующая нас лексика встречается там, где передается содержание завещаний и брачных контрактов.
- ³⁰ GP, III, 1014 (a. 1161).
- ³¹ GP, III, 984 (a. 1217).
- ³² GP, III, 958 (a. 1262).
- ³³ GP, III, 1098 (a. 1169).
- ³⁴ GP, I, 267 (a. 1196), 268 (a. 1196), 274 (a. 1197) и др.
- ³⁵ GP, III, 1100 (a. 1193).
- ³⁶ *Menéndez Pidal R.* Documentos lingüísticos de España. Madrid, 1966. T. I. P. 349.
- ³⁷ *Bono J.* Historia del derecho notarial español. Madrid, 1979. T. I: La Edad Media, 1. P. 21, 110.

³⁸ Ibid. P. 112–113, 148–150.

³⁹ Очень важным подтверждением этого развития, на мой взгляд, следует считать появление в 1254 г. (GP, II, 591) слова нотариий (*نطاري*). До сих пор функции человека, оформлявшего документ, вполне описывались словом “писец” (*كاتب*).

⁴⁰ Во второй половине XIII в. впервые встречаются названия должности – “писец на романсе” (*كاتب العجمي*) (a. 1283), “писец на арабском” (*كاتب العربي*) (a. 1294) – красноречивые свидетельства своеобразного разделения труда среди писцов, которое, если и существовало прежде, то не проявлялось так четко.

⁴¹ GP, I, 20 (a. 1134) – Micael iben Geli; 31 (a. 1144) – Giza iben Abib Braxur; 43 (a. 1152) – Dona filia Gabelgeziz; 49 (a. 1156) – Ioan iben Gubdirrehmen; II, 496 (a. 1229) – Feliz ben Yahya ben Abdallah; 503 (a. 1231) – Sibib iben Micael.

⁴² الاسم العجمي هو دون متاوش المذكور

⁴³ GP, II, 411 (a. 1214): دون متاوش بن دون يليان بن بهلول